

Вспоминая события того дня, Хань Юйи была готова рвать и метать. То ли Нин Цзючэнь разозлилась из-за того, что та перешла границы дозволенного, то ли действительно сочла её настолько безнадежной, что та нуждалась в полной перековке.

Так или иначе, её снова отправили учиться боевым искусствам, причем на сей раз Нин Цзючэнь не собиралась возиться с ней лично. Учитель попался невероятно строгий: если не удавалось безупречно отработать движения, мало того что приходилось терпеть побои, так ещё и дома Нин Цзючэнь оставляла её без ужина. Жизнь превратилась в сплошное мучение.

Те нежные чувства, что возникли у Хань Юйи, когда Нин Цзючэнь своими мягкими подушечками пальцев растирала ей ушибленную лодыжку, были начисто выметены из сердца бурей гнева Нин Цзючэнь.

Хотя она не знала, сколько ещё предстоит пройти, чтобы увидеть хоть какой-то просвет в отношениях с Нин Цзючэнь, она понимала: раз уж это Нин Цзючэнь, холодная снаружи, но тёплая внутри, то любые старания стоят того.

Впоследствии Нин Цзючэнь, как и ожидалось, снова заболела. Иногда Хань Юйи не могла не переживать за её здоровье: даже если тренировки укрепляют тело, основа у Нин Цзючэнь оставалась крайне слабой. Не зная, чем ещё помочь, Хань Юйи лишь старалась быть послушной и лишней раз не злить её.

Хотя в тот день не осталось прямых улик, из-за Нин Чанкэ у него не было достаточно доказательств, чтобы предъявить обвинения. Однако после того, как его продержали связанным в спальне всю ночь, а на утренний доклад он явился с подбитым лицом, император, конечно, начал собственное расследование и напал на след.

Пусть детали не были ясны до конца, суть дела отец-император уловил. Виновных следовало наказать, но поскольку наследный принц был неправ первым и не стал подавать жалобу, император решил ограничиться мягким взысканием. Нин Цзючэнь, переглянувшись с Хань Юйи, сама призналась в том, что избила Нин Чанкэ. Хань Юйи, хоть и была озадачена, послушно промолчала.

Учитывая слабое здоровье Нин Цзючэнь и то, что принц действительно заслуживал урока, император ограничился символическим наказанием — запретил ей выходить из дома в течение трёх месяцев.

Почему именно три месяца? Потому что через три месяца наступал шестидесятилетний юбилей вдовствующей императрицы. Император явно хотел воспользоваться торжеством, чтобы подобрать для Нин Цзючэнь достойного мужа. Те, кто знал о планах, и те, кто только догадывался, начали действовать: молодые люди при дворе принялись строить планы, как бы получше себя проявить и завоевать сердце красавицы вместе со статусом зятя императора.

Сегодня, на праздновании юбилея, Нин Цзючэнь демонстративно не взяла Хань Юйи с собой. Она прекрасно знала повадки императора: он лишь ждал случая, чтобы поскорее выдать её

замуж. В наше время это назвали бы типичной сценой, где родители пытаются пристроить засидевшуюся в девках дочь.

На самом деле, она уже была не так молода, но что такое любовь? Это чувство казалось ей туманным и совсем не привлекательным. Цзи Юньхэ говорила, что любовь — это желание постоянно быть рядом с человеком, это упрямое преследование цели, даже если упрёшься в стену, это глубокая привязанность и преданность, вьевающиеся в самую суть души.

Разве это не значит потерять себя? Нин Цзючэнь не верила, что когда-нибудь сможет так сильно впустить кого-то в своё сердце. Для неё любовь — лишь обуза. Конечно, подобные заявления, сделанные слишком рано, всегда приводят к тому, что потом приходится брать свои слова обратно.

То, что Нин Чанкэ постоянно цеплялся к ней, имело свои причины. В эпоху, где левая сторона считалась почётной, император позволял ей сидеть по левую руку от себя, в то время как наследный принц занимал место справа. Будь она мужчиной, он, вероятно, уже давно попытался бы устранить её втихаря.

Окинув взглядом присутствующих, она увидела, что среди них выделяется Лю Чжишу. В конце концов, автор наделил его ореолом главного героя, который сиял невероятно ярко.

Нин Цзючэнь бросила на него несколько взглядов, и в голове созрел план. В конце концов, какая разница — строить козни одному или двум? Нин Чанкэ ей неприятен, но разве она сама вызывает у него симпатию? Она ни за что не призналась бы, что хочет разделаться с ним из-за Хань Юйи. Если бы она действительно хотела, то давно бы уже извела принца, зачем было позволять ему так долго прыгать перед глазами?

Нин Цзючэнь намеренно разглядывала Лю Чжишу, чтобы император заметил её интерес. Не стоит спешить, нужно позволить ему вознестись повыше, чтобы падение было сокрушительным. Она и не подозревала, что Хань Юйи, прокрадываясь следом, сейчас была готова взорваться от негодования. Что происходит? Неужели Нин Цзючэнь действительно положила глаз на этого никчёмного книжного червя!

— Ну просто бесит! В такой важный день оставила меня одну в павильоне Мусян. А я-то, дурочка, думала, она боится, что я снова вляпаюсь в неприятности, а она просто спешила искать себе мужа! Хорошо, что я тайком пробралась следом.

Изначально Хань Юйи просто из любопытства сбежала, чтобы поглазеть на праздник. Случайно услышав разговор, она узнала, что пышное торжество устроено ради того, чтобы император мог выбрать для Нин Цзючэнь мужа. Это было словно нож в сердце — больно, до слёз, но пожаловаться было некому.

Она вспомнила, как тайком спрашивала об этом И Фэн, и слова той до сих пор эхом отдавались в её сознании.

И Фэн сказала: Она идет по своему пути слишком тяжело, и раз уж я знаю о её чувствах и не испытываю неприязни, то пусть всё идет своим чередом. Хань Юйи тогда смутилась: И Фэн догадалась, что та подглядывала за дверью. Как же хорошо, что И Цин пользуется таким пониманием со стороны И Фэн. Сможет ли она сама добиться такого же отклика от Нин Цзючэнь?

В тот день И Фэн лишь похлопала её по плечу и серьезно произнесла: Не стоит требовать невозможного. С тех пор эта тема больше не поднималась.

Видя, как Нин Цзючэнь внимательно изучает того человека, Хань Юйи была готова вбить его в землю. Этот хилый книжник смеет соблазнять Нин Цзючэнь? Да он просто напрашивается на неприятности! Хань Юйи невольно сжала кулаки — руки чесались, даже больше, чем тогда, когда она избивала принца.

На душе бушевала буря. С одной стороны — яростное желание убивать, с другой — невыносимая боль. Будто тупой нож медленно кромсал её сердце: больно, не убежать, а нож недостаточно острый, чтобы закончить всё одним ударом, остается лишь безмолвно терпеть эту пытку.

Если бы взгляд мог пронзать, Лю Чжишу был бы убит Хань Юйи тысячи раз. Когда она услышала, как император расхваливает таланты и добродетели новоиспеченного чжуаньюаня, Хань Юйи захотелось выкрикнуть: поднимите его повыше, чтобы он поскорее упал и разбился насмерть!

Видя, что Нин Цзючэнь никак не выражает своего мнения, император решил, что разведка боем удалась: отсутствие явного отвращения — уже признак симпатии. Любитель сводить пары, император решил создать им возможность для сближения и велел им прогуляться, а позже вместе отправиться во дворец Цынин поздравить вдовствующую императрицу.

Эти слова стали негласным объявлением: Лю Чжишу — кандидат в мужья, остальным можно не беспокоиться. Лю Чжишу распирало от гордости: он действительно выдающийся человек, раз принцесса с первого взгляда обратила на него внимание. Что поделать, обаяние — страшная сила.

Впрочем, приличия соблюсти стоило. Через мгновение он снова принял вид скромного учёного, влюбленного в принцессу. Нин Цзючэнь, прекрасно видевшая его насквозь, хотя и презирала это лицемерие, была вынуждена подыгрывать. Хорошо хоть, это древние времена, и не нужно изображать чрезмерную близость.

Хань Юйи, наблюдая за происходящим, металась между гневом и болью, но не имела права голоса. Словно хозяйка, оберегающая свою овечку от волков, она следила за ними, готовая в любой момент вмешаться.

Боясь разоблачения, Хань Юйи двигалась бесшумно, стараясь держаться на расстоянии, но из-за этого она не могла разобрать их слов, что сводило её с ума.

— Что-то случилось? — спросил Лю Чжишу.

— Иди вперед, у меня есть дела, я скоро догоню, — Нин Цзючэнь махнула рукой и повернула назад.

Ещё во время притворного разговора с Лю Чжишу она заметила Хань Юйи, которая следовала за ней по пятам. Ну что за непослушный ребенок! Она же просила её оставаться в павильоне Мусян, чтобы не натворить бед в толпе. А та мало того что сбежала, так ещё и кралась следом, как воришка.

Она привязалась к ней до такой степени, что это стало невыносимым. Нин Цзючэнь решила, что нужно найти ей достойное пристанище. В крайнем случае, можно последовать примеру императора и самой стать свахой. Или отправить её домой — без вмешательства Лю Чжишу дочь богатого торговца рисом точно не останется без мужа. В конце концов, она сама рано или поздно покинет этот мир и не сможет больше её защищать, особенно в таком опасном месте, как дворец.

Нин Цзючэнь планировала не подавать виду, что знает о слежке, чтобы потом устроить ей хорошую взбучку. Но не успела она продумать наказание, как поняла, что шаги Хань Юйи стихли. Неужели потерялась?

Она не расслышала, что ей говорил Лю Чжишу, пока тот не повысил голос. Нин Цзючэнь начала отделяться дежурными фразами. Она всё ещё беспокоилась: у Хань Юйи не было ни навыков, ни защиты, а если она снова попадет в беду? Вот же головная боль! Если она уйдет из этого мира, то лучше отправить её обратно под опеку семьи Хань — там, даже с её глупостью и склонностью к неприятностям, она будет в безопасности.

На открытом пространстве под солнцем открыто применять боевые искусства было неудобно, поэтому Нин Цзючэнь просто быстрым шагом направилась вперед. Прошло около четверти часа, но следов Хань Юйи не было. Она была уверена, что та отстала где-то здесь! Сохраняя хладнокровие, Нин Цзючэнь расширила зону поиска, кругами обходя место, и наконец заметила неладное.

Впереди собралась шумная толпа. Подойдя ближе, Нин Цзючэнь увидела, что стража третьей принцессы удерживает кого-то, и этим человеком оказалась Хань Юйи. Ну конечно, вечно она находит себе приключения! Мало того что попала на глаза принцу, так теперь ещё и его родной сестре. Что за магнит для неприятностей?

— Прошу, отпустите её. Мои люди не нуждаются в чужом воспитании.

Нин Цзючэнь перешла сразу к делу, требуя вернуть свою спутницу.